

А. Г. Периханян

К ВОПРОСУ О РАБОВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ИРАНЕ ПАРФЯНСКОГО ВРЕМЕНИ*

Социально-экономическая история Парфии является одним из наименее исследованных и вместе с тем наиболее запутанных буржуазной историографией разделов древней истории. Для советского исследователя вопросы государственного и социально-экономического строя Парфии представляют первостепенный интерес во многих отношениях. Во-первых, это вопросы, тесно связанные с проблемами эллинизма, и особенно эллинизма на Востоке¹. Во-вторых, исследование государственного и экономического строя Парфии необходимо для разрешения многих вопросов древней истории народов Средней Азии и Закавказья. Области Средней Азии и Закавказья имели тесные связи с Парфией в политическом, экономическом и культурном отношениях; некоторые из этих областей, в известный период своей истории, непосредственно входили в состав Парфянского государства. Известное внимание экономическая история Парфии привлекла в буржуазной науке Запада только сравнительно недавно в связи с опубликованием богатого археологического материала раскопок ближневосточных городов (Сузы, Дур-Европос на Евфрате и др.), часть которого, правда, небольшая, относится к парфянскому периоду истории этих городов.

Однако вся буржуазная историография по экономической истории Парфии и по сей день ограничивается двумя небольшими очерками Тарна и Ростовцева в «Кембриджской древней истории» (тт. IX и XI) и частью введения к книге Кристенсена² «Иран при Сасанидах». Общий и основной порок их исследований — непонимание существа социально-экономических формаций, ведущее к смешению принципиально различных экономических категорий, к перенесению в античность отношений феодального общества³. По Кристенсену феодализм господствует в Иране

* Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древности.

¹ Под «эллинизмом» я понимаю в настоящей работе всю совокупность политических, культурных и экономических явлений, характерных для высшего и последнего этапа развития рабовладельческих отношений на Ближнем Востоке. Хотя термин «эллинизм» целесообразнее было бы сохранить только для обозначения тех явлений, преимущественно в области культуры, которые связаны непосредственно с приходом на Восток греко-македонян, все же пока избежать его употребления в вышеуказанном значении невозможно ввиду отсутствия другого, более подходящего термина.

² A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, Copenhagen, 1944, стр. 15—27 (преимущественно государственное устройство).

³ А. Б. Р а н о в и ч, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950, стр. 14.

уже при Ахеменидах. Подобный же взгляд на Парфию присущ всем буржуазным историкам. Даже Тарн, который в общем признает рабовладельческую основу эллинистического общества, парфянское общество обрисовывает как типично феодальное, ничем этого не доказывая. Необходимо отметить, что недостатки вышеуказанных работ буржуазных историков не ограничиваются порочностью их методологии: источники на древне-греческом языке по социально-экономической истории Парфии используются неполно и поверхностно, а восточный материал почти совсем не привлекается.

Настоящая статья представляет собой попытку выяснить некоторые черты рабовладения и землевладения в парфянском Иране.

Современные парфянскому периоду источники, обычно привлекаемые для освещения этого вопроса, поскольку он вообще затрагивался буржуазными исследователями, крайне скудны и фрагментарны. По существу, они ограничиваются отдельными случайными свидетельствами античных авторов, которые совершенно произвольно истолковываются, и несколькими имеющимися, несомненно, более важное значение контрактами из Дура-Европос и Авромана. Но и к этим последним западные ученые относятся крайне поверхностно, считая социально-экономическое содержание их не имеющим научного значения, гораздо более интересуясь формально-правовой стороной и самым фактом применения греческого языка¹, чем внутренней жизнью той среды, из которой они исходят и которую, безусловно, отражают.

Однако даже при серьезном отношении к этим источникам их крайняя недостаточность очевидна. Поэтому необходимо привлечение более поздних иранских источников с учетом их поздней редакции и с дополнением и сопоставлением этих источников как с собственно парфянскими документами из Авромана, Дура-Европос, Нисы и свидетельствами античных авторов, так и с историческим материалом смежных с Ираном стран — Месопотамии, Армении, Осроэны, Малой Азии и т. д.

Рабовладение

Хотя у античных писателей и имеются прямые указания на наличие в Парфии значительного числа рабов, но взятые сами по себе, они мало дают исследователю. Поэтому целесообразнее сначала подробно остановиться на сведениях о рабах, содержащихся в иранских источниках, а именно в *Mātikān ī hazār dāstān*². *Mātikān ī hazār dāstān* («Книга тысячи судебных решений») представляет собой сборник юридических казусов, охватывающих главным образом область имущественного права. Это — компиляция VI в. н. э., в которую вошли сочинения юристов значительно более давнего времени, на что указывает противоречивый характер различных статей судебногоника. Например, в статье судебногоника МНД

¹ См., например E. H. Minns, *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*, JHS, XXXV (1915), стр. 46.

² J. J. Mody, *Mādigān-i-hazār dādistān, a Photozincographed Facsimile*, Bombay, 1901; см. Chr. Bartholomae, *Zum Sassanidischen Recht*, I—V, Heidelberg, 1918—1923; A. Pagliaro, *L'antichesi nel diritto sasanidico*, RSO, XV, 1935, стр. 275 сл.; S. J. Bulsara, *The Laws of the Ancient Persians*, Bombay, 1937 (публикация полного текста рукописи). В издании Бульсары пехлевийские тексты даны в традиционной парсийской транскрипции (без раскрытия арамейских идеограмм). Приводимые в статье тексты переведены на общепринятую транскрипцию. Пользуясь случаем выразить свою признательность В. А. Лившицу, давшему мне ряд ценных советов и указаний при транскрибировании малоупотребительных идеограмм.

XIII, x + 27 (см. также XVI, 15), где рассматривается вопрос о том, можно ли царских рабов, отпущенных на волю, снова возвращать в рабское состояние, компилятор «Матикана», ссылаясь на юриста Сиявахша, считает невозможным возвращение их в рабство. В этой же статье имеется ссылка на другого юриста, Рат-Ормизда, который настаивает на возвращении их в рабское состояние. Очевидно, Сиявахш является более близким компилятору по времени, когда широко практиковался массовый отпуск рабов на волю, тогда как Рат-Ормизд, по всей вероятности, лицо, значительно более отдаленное во времени от компилятора «Матикана», возможно даже отделенное от него несколькими веками, когда еще не было массовых манумиссий. Из статьи судебного (MHD, IV, x + 5) следует, что рабский труд использовался в храмовых хозяйствах, к самому же храму рабов не допускали. С этим положением следует сравнить другую статью судебного (MHD, IV, x + 6), по которой уже одно только принятие зороастризма рабом-христианином делало его свободным от рабского состояния. Разновременность этих статей судебного очевидна. По архаичности предполагаемых в некоторых случаях «Матиканом» отношений некоторые его части должны восходить к ранне-сасанидскому или даже к парфянскому времени, и поэтому вполне закономерно использовать этот источник — конечно, со всей возможной осторожностью, — для изучения социальных отношений парфянского времени.

В «Матикане» фигурируют две категории рабов — *bandak* (𐭠𐭣𐭥𐭭) и *anšahrīk* (𐭠𐭮𐭮𐭥𐭭𐭥𐭭)¹. В сасанидский период разница между этими категориями рабов начала стираться и к концу этого периода почти не ощущалась. Этим следует объяснить то, что в «Матикане» *bandakīh* часто употребляется в качестве *nomen abstractum* к *anšahrīk*, равно как и *anšahrīkīh* — в качестве *nomen abstractum* применительно к *bandak*'ам. Все же разница между обоими терминами еще ясно различима в «Матикане».

Bandakān — общее обозначение рабов², труд которых широко применялся в домашнем хозяйстве, в рудниках³ и в сельском хозяйстве. Труд рабов-бандаров применялся, например, в храмовых хозяйствах. В одном из параграфов судебного говорится: *ut an ī guft kū ka χ'atāy bandak pat bandakīh ā ātrān dahēt hakar hamak-š kū-š pat frazand ī bandak pātīχšāyīh*⁴ *nēst pas-aš frazand ut anbatāk ī bandak bavēh ātrān bandak bavēnd kē-šan frazandīh ut anbatākīh ī bandak ātrān bandakīh rāy hamēv bavēt* (Текст № 1, MHD. Bulsara, XLII, x + 74) «и то было сказано, что когда господин отдает (дарит) своего раба-бандара в рабство храмам, поскольку у него (с этого момента) уже нет власти над детьми раба⁵,

¹ Упоминание С. Т. Е р е м я н о м, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950. № 1, стр. 18, помимо *bandak* и *anšahrīk* еще третьей категории рабов — *hūštoik* основано на недоразумении. *Hūštoik* — не что иное, как произвольная транскрипция термина *anšahrīk* парсийским издателем «Матикана» Бульсарой.

² Термин *bandak* применяется также и в переносном смысле «раб» — «подчиненный», «подданный».

³ В письме Плиния Младшего к Траяну (Ерр. X. 74) рассказывается о поимке беглого раба Каллидрома, который некогда был подарен дакийским царем Децибалом парфянскому царю Пабору II и работал в его рудниках, откуда впоследствии бежал. Из данного рассказа Плиния можно заключить, что рудники в Парфии принадлежали царю и что в них работали царские рабы. К какой категории они относились, сказать трудно, но судя по всему, что мы знаем о рабах-аншахриках, они вряд ли могли принадлежать к этой категории.

⁴ Идеограмма *SLYT'YN*.

⁵ Бульсара переводит: «поскольку дети рабов не управляются общим законом». Однако текст не дает возможности такого перевода.

если у раба после этого будет сын или внук, то они станут рабами храмов: вследствие того, что они являются детьми и внуками раба, они все находятся в рабстве у храмов».

О применении труда рабов-бандаров в храмовом хозяйстве говорится и в приводимом ниже тексте № 2.

Особо выделялась категория рабов *anšahrikān* — букв. «чужестранцы»¹. Термин, повидимому, первоначально обозначал военнопленных, обращенных в рабство. Но это — историческая этимология термина. Реально в эту категорию входили рабы различного происхождения, объединяемые не им, а своим особым экономическим и правовым положением. Рабы-*anšahrikān* были очень распространены и использовались, как будет видно из дальнейшего, в основном, в сельском хозяйстве. Для выяснения сущности этой категории рабов следует обратиться к текстам.

«Аншахрик» рассматривался как собственность (*χvāstak*) рабовладельца.

Ka ātašē² bandak mart ēv anšahrik mart dō hast mart χvāstak rāy kart ku-m ō bandakān i an ātaš dat hač an čigōn anšahrik bandakih i ātaš nē bavēt ō anšahrik ātaš čis-ič nē dahēt (Текст № 2, МНД, IV, x + 5). «Так как в храмовом хозяйстве бывают человек-бандак, во-первых, человек-аншахрик, во-вторых, и когда кто-либо так поступит со своим имуществом: „я подарил, чтобы они стали рабами этого храма“, (то), вследствие того, что раб-аншахрик не может служить (самому) огню, ему не следует поручать никакой службы в (самом) храме».

mart ēv ka-š anšahrik ēv pat 10 bahr³ 1 bahr χvēs āzāt bē kart frazand-eč i hač an anšahrik zayet har ēvak pat 10 bahr 1 bahr āzāt (Текст № 3, МНД, IV, x + 4). «(Если) человек освобождает раба-аншахрика, у которого в десяти частях одна часть его собственная, то также и дети, которые рождаются от этого раба, каждый в отдельности в десяти частях на одну часть будут свободными».

ka mart vindišn⁴ i anšahrik bē dahēt ut pas anšahrik āzāt kunēt vindišn i anšahrik apač nē aβarišn (Текст № 4, МНД, XXXV, x + 17) «когда человек дарит доход с раба-аншахрика и потом освобождает раба, то доход с раба не подлежит возврату».

¹ В древнеармянских источниках (Агафангел, История, Тифлис, 1914, гл. 50, и «Книга канонов», Тифлис, 1914, стр. 196) встречается термин *anāšxarhik*, восходящий к иранскому, примененный в своем буквальном значении (во всяком случае у Агафангела) «чужестранец, ξένος».

² *Ātašē* «в храм(овом хозяйств)е», где *ē* — остаток древнего косвенного падежа. Бульсара видит в нем относительное местоимение *i* и *ātašē bandak* соответственно переводит изафетной конструкцией — «храмовые рабы». Всю начальную фразу Бульсара переводит так: «хотя храмовыми рабами бывают как рабы, так и люди (свободные) и т. д.». Вся начальная фраза представляется (если предлагаемый перевод верен) формулой значительно более древней, чем судебник и, пожалуй, сама статья. Помимо элемента архаизма в языке (*ātašē*) здесь совершенно отчетливо различаются *bandak* и *anšahrī* как две разные категории рабов.

³ Слово *bu* Бульсара читает *bār* «раз», и в переводе у него получается бессмыслица. Chr. Bartholomae, *Zum sassan. Recht*, вып. III, 56—57; вып. V, 13 сл., правильно транскрибирует его как *bahr* «часть, доля».

⁴ «*vind*», *vindišn* — термин неясный. По своей форме это отглагольное имя (nominalis actionis), образованное от основы *praesentis vind-* глагола *vindātan* (идеограмма *𐭮𐭫𐭮𐭬𐭮*) «находить, добывать, достигать, приобретать». Бартоломе переводит этот термин «трудовой доход (*Arbeitseinkommen*)», Вест и Пальярро — «доход», Бульсара — «право владения (*possessory rights*)».

$\bar{k}a \bar{g}ö\beta\bar{e}t \bar{k}u-m \bar{v}indišn \bar{i} \bar{e}n \bar{a}nšahrīk \bar{t}ak \bar{3} \bar{s}āl \bar{o} \bar{t}ō \bar{d}āt \bar{v}indišn \bar{i} \bar{a}ndar$
 $\bar{3} \bar{s}āl \bar{t}ak \bar{f}rāskart \bar{d}āt \bar{b}avēt$ (Текст № 5, МНД, XXV, $x + 15$). «Когда он
 объявляет: „доход с этого моего раба-аншахрика на три года подарен
 тебе“, то доход (от его труда) на протяжении трех лет подарен навечно
 (букв. до дня обновления мира)».

$ut \bar{a}pāk \bar{a}n \bar{i} \bar{n}ipīst \bar{k}u \bar{k}a \bar{k}unēt \bar{k}u-m \bar{e}n \bar{a}nšahrīk \bar{h}ar \bar{2} \bar{s}āl \bar{o} \bar{M}ihryōn$
 $\bar{d}āt \bar{a}n \bar{a}nšahrīk \bar{p}at \bar{h}amdatastān \bar{i} \bar{ā}kanēn \bar{e}nīh \bar{ā}zāt \bar{k}artan \bar{n}ē \bar{p}atīxšāy$
 (Текст № 6, МНД, XXXII $x + 2$) «и также другое написано, что когда он
 решает: „этот мой раб-аншахрик каждые два года на один подарен Мих-
 риюну“, (тогда) этот раб без обоюдного согласия не может быть осво-
 божден»¹.

$\bar{a}pāk \bar{a}n \bar{i} \bar{g}uft \bar{k}a \bar{g}ö\beta\bar{e}t \bar{k}u-m \bar{a}fzōt \bar{2} \bar{x}^{v}atāy \bar{1} \bar{b}ahr \bar{ā}zāt \bar{k}art \bar{ut} \bar{p}at$
 $\bar{3} \bar{b}ahr \bar{p}at \bar{bandakīh} \bar{o} \bar{ā}tāš \bar{d}āt \bar{a}dak-aš \bar{p}at \bar{3} \bar{b}ahr \bar{1} \bar{b}ahr \bar{n}ē \bar{h}ač \bar{a}n \bar{b}ahr$
 $\bar{g}uft \bar{b}avēt \bar{k}u-m \bar{d}āt$ (Текст № 7, МНД, XLII, $x + 99$) «при этом сказано:
 „если скажет, что я..., господин, на одну часть освободил, а на три части
 отдал в рабство храму огня“³, то одна часть (в отношении) к трем не та,
 о которой было сказано, что „отдал“⁴.

$\bar{k}a \bar{a}nšahrīk \bar{p}at \bar{g}iraβkān \bar{p}at \bar{k}ār \bar{o} \bar{h}an \bar{v}aštān \bar{fr}ēstāt \bar{ut} \bar{d}ram \bar{v}ičārēt \bar{5}$
 $\bar{t}ak \bar{a}pāč \bar{a}paspartan \bar{i} \bar{a}nšahrīk \bar{g}öhrīk [\bar{1}] \bar{6} \bar{a}nšahrīk \bar{o} \bar{o}y \bar{a}paspārīšn \bar{k}ē$
 $\bar{a}nšahrīk \bar{x}^{v}eš$ (Текст, № 8, МНД, XXI, 13). «Когда (кто-нибудь) посылает
 раба-аншахрика, (находящегося у него) в залоге, к кому-либо другому
 работать и (тот) платит за это деньги, то, после вручения раба (залогода-
 телю)⁷, сумма, заработанная рабом, должна быть вручена тому, кому раб
 принадлежит».

Из приведенных текстов видно, что положение рабов-аншахриков
 имело свои специфические особенности. Рабы-аншахрики были посажены
 на землю рабовладельца, которая ими обрабатывалась. Как видно из тек-
 ста № 2, аншахрик рассматривался как часть имущества рабовладельца.
 Эти рабы дарились часто при условии совместного поочередного владения
 ими различными рабовладельцами (текст № 6), а в тексте № 4 речь идет
 о дарении дохода с раба; кроме того рабы отдавались в залог (*giraβkān*,
 др.-арм. *gəgaw*, *gəgawakan*), а также временно сдавались рабовладельца-
 ми за плату на сезонные работы (текст № 8), причем плата за использо-
 вание труда такого раба вручалась владельцу раба. Освобождение на
 волю таких рабов нередко носило характер частичного освобождения на
 $1/10$, $1/4$ (см. тексты № 2 и № 7), остальные же $9/10$ или $3/4$ продолжали
 принадлежать землевладельцу.

¹ По переводу Х. Бартоломе.

² *afzōt* в данном контексте непонятно. Бульсара переводит его «ныне живущий» (*surviving*).

³ Выражение, взятое в кавычки, представляет собой, повидимому, юридическую формулу, произнесенную владельцем раба при совершении акта частичной ману-миссии и дарения.

⁴ Бульсара переводит этот текст следующим образом: «„мой ныне живущий господин на одну часть освободил меня и отдал на три части в рабство храму огня“, то в этом случае одна часть в противовес трем должна рассматриваться не как та часть, в которой было сказано: „я отдал“». Общий смысл текста был правильно понят издателем, тем не менее предложенный им перевод весьма неточен. Энклитическое местоимение-присоединение *ut* в средне-персидском не обозначает ни *Ass.*, ни *Gen. poss.* В данном случае налицо прямая речь с активной конструкцией. К тому же мало вероятно, чтобы раб был самостоятельным юридическим лицом, и поэтому юридическая формула не может исходить из уст самого раба.

⁵ Глагол *vīčārtan* «двигаться, вращаться, существовать, разъяснять, решать» употреблен в судебнике в смысле «платить». Ср. с др.-арм. *večag-el* «платить».

⁶ Относительное местоимение *ī* в рукописи отсутствует.

⁷ Очевидно, по истечении срока залога.

Это явление тесно связано с кризисом старых форм эксплуатации рабов, с поисками новых способов эксплуатации рабского населения. С целью повышения производительности рабского труда рабу предоставляется возможность частичной апроприации самого себя, т. е. он получает право распоряжения определенной долей своего труда — $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{4}$. Эта частичная свобода или, точнее, право свободного распоряжения $\frac{1}{10}$ своего труда практически выражалась в праве распоряжения $\frac{1}{10}$ результатов своего труда, иначе говоря, $\frac{1}{10}$ урожая, полученного с обработанного этим рабом участка, если раб использовался в сельском хозяйстве. В тексте № 3 говорится о рабе, которому предоставлена $\frac{1}{10}$ дохода («pat 10 bahr 1 bahr $\chi^{\vee c\bar{s}}$ »). Из этого же текста следует, что частично апроприировавший себя раб-аншахрик мог передать это право по наследству своим детям, родившимся после дарования их отцу частичной свободы¹.

Не используемые, вероятно, вследствие своего рабского состояния, в самом храме, рабы-аншахрики, наряду с рабами-бандаками, широко использовались на землях, принадлежащих храму (Текст № 2). В Иране, как и на всем Востоке, храмы выступали как крупнейшие землевладельцы и рабовладельцы. Особенно развито храмовое землевладение было в Мидии, где, судя по свидетельству Аммиана Марцеллина, самые плодородные земли принадлежали храмам². Может быть, именно это обстоятельство и нашло свое отражение в самом названии Мидии-Атропатены — *Āturpatkān*³. Интересно что вавилоняне, вывезенные Гимером, наместником Фраата II в Вавилонии, были проданы в рабство именно в Мидию⁴.

Крупные частновладельческие хозяйства, на которых использовался труд посаженных на землю рабов, назывались *dastkart*, букв. «рукой созданный» (идеограмма YDKRT), др.-арм. *dastakert* или *dzerakert* (последнее — калька с иранского). Какая именно категория рабов работала в дастакертах, явствует из следующего текста судебного (MHD, XLII, 41): *apar andarz ī ham Vehšāpuhr pat dāt ī dastkart pat gōšišn ī ham Vehšāpuhr nipišt ku hač anšahrik ī-š andar manēt hamev oḡōn ēv bavēt* «Ито наставлению того же Вехшалухра относительно судебных решений о дастакертах со слов самого Вехшалухра записано: „что касается раба-аншахрика, который в нем пребывает, всегда таким образом пусть он и

¹ Повидимому, предоставление рабу частичной свободы, заинтересовывавшее его в более интенсивном труде, заменило собой более раннюю систему выдачи рабам определенного кормления, размеры которого хотя и могли изменяться соответственно продуктивности труда раба, но лишь по произволу господина. В пехлевийских источниках прямое указание на кормление отсутствует. По талмудическим данным довольствие, получаемое помещенным на надел рабом от рабовладельца и выданное сразу на определенный промежуток времени, называлось *raḥlā-ā* «содержание» или *raḡāc* «доля». Кормление было, несомненно, более древней формой вознаграждения рабского труда, чем выдача доли урожая. Последняя была введена позже, чтобы усилить у раба заинтересованность в труде. Вначале размер кормления, возможно, определялся на день. С этой точки зрения интересно рассмотреть древнесармянский термин *roēik* «кормление, жалованье, stipendium». Термин этот, повидимому, парфянского происхождения и состоит из основы *roē* (парфянское *roē*) и суффикса существительного *-ik*. Парфянская форма этого термина должна была быть **roēik*, где *roē* означает «день».

² *A m m. Mag. c. XXXIII, 6, 32: in his tractibus magorum agri sunt fertiles...* «в этих областях [в Мидии] поля магов плодородны...».

³ Букв. «принадлежащий *āturpat'u* [господину огня, жрецу]». Ср. с областью в древней Армении *Anahatakan* («принадлежащая [богине] Анаит»).

⁴ *Diod., XXXIV, 44a: πολλοὶ δὲ τῶν Βαβυλωνίων καὶ ἐπὶ ταῖς τυχοῦσαις αἰτίαις πανοικίους ἐξάνδραποδισάμενος εἰς τὴν Μηδίαν ἐξέπεμψε πρὸς τοῦτο λαφύροπώλησαι* «поработив же многих [из] вавилонян с их семьями, и притом, придравшись к случайным причинам, он отослал их в Мидию, приказав продать как добычу».

будет“¹. Далее, в МНД, XXI, 10, упоминается аншахрик дастакерта; в МНД XIII, x + 12, дастакерт даруется вместе со скотом и с рабами-аншахриками, работающими в нем. Были и царские дастакерты, упоминаемые в сирийских источниках (*dasqartā d'malka*)².

Крупные частновладельческие поместья-дастакерты с поселенными рабами упоминаются и в Талмуде (*dasqartā dō 'abde*, «дастакерт рабов»), причем рассказ о продаже дастакерта с рабами находится в вавилонском Талмуде и по контексту относится к Ираку³, а также в древнеармянских источниках, в частности, у Моисея Хоренского (II, 48), где описываются события начала царствования Арташеса I (189 г. до н. э.): «Тогда Смбат, захватив рабов Еруаза (численностью в 500 человек.— *А. II.*), которых он взял в плен в Багаране, поселил их за хребтом Арарата, назвав *dzerakeri* тем же именем Багаран».

То обстоятельство, что земля продается вместе с рабами, ее обрабатывающими, очень характерно. Об этом говорится у Страбона (XII, 3, 34), в Талмуде, в приведенных выше статьях пехлевийского судебногоника. В пергаменте 23 из Дура-Европос⁴, датированном 180 г. н. э., виноградник продается вместе с рабом. Еще в поздней Ассирии рабы продавались вместе с землей (факты продажи рабов с землей известны не ранее VIII в. до н. э.⁵).

Если нечто подобное дастакертам имело место в Ассирии в VIII в. до н. э., в соседних с Ираном странах в течение всего эллинистического периода, а в самом Иране дастакерты, как пережиточное явление, встречаются в после-парфянский период («Матикан»), то, очевидно, они существовали и в Парфии.

Земельные владения с прикрепленными к ним рабами (дастакерты) появляются, таким образом, в Иране и в соседних восточных странах в так называемый эллинистический период и отчасти даже раньше. Эксплуатация прикрепленных к дастакертам рабов-аншахриков в том виде, как она описана в «Матикане», является дальнейшим изменением в общественных отношениях, свидетельством вызревания феодальных отношений в недрах рабовладельческого строя. Однако этот новый тип эксплуатации происходит еще в рабовладельческих формах, и эти формы имеют целью искусственно воспроизводить рабовладельческий способ производства, задерживать его гибель. Как известно, «при рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба...»⁶. Этот характер собственности сохраняется и здесь. Аншахрик находится в полной собственности рабовладельца. Аншахрик, который приобретал права единоличной собственности на часть продуктов своего труда (наряду с собственностью господина), приравнивается в этой части к рабовладельцу; его собственность на часть «самого себя», формально, — рабовладельческая собственность, хотя по существу здесь налицо уже рождение феодальных отношений собственности. Нет данных и о том, чтобы аншахрики были связаны между собой какой-либо общинной организацией, характерной для восточного крестьянства.

¹ Т. е. раб нестелним от дастакерта, независимо от судьбы последнего, например, возможного отчуждения его собственником.

² См. «Acta ss. martyrum Orientalium», ed. A s s e m a n u s, I. Roma, 1748, стр. 134.

³ Ю. А. С о л о д у х о, Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока, СВ, II (1941), стр. 37—52.

⁴ C. B. W e l l e s, Die zivilen Archive in Dura, «Papyri und Altertumswissenschaft», 19 (München 1934), стр. 382—383.

⁵ И. М. Д ъ я к о в о в, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1950, стр. 404—409; см. также об Армении С. Т. Е р е м я н, ВДИ, 1950, № 1, стр. 48—49.

⁶ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 419.

Теперь следует обратиться к сообщению Помпея Трога¹ о рабах в парфянском войске. В научной литературе очень часто выражались сомнения относительно достоверности этого свидетельства². Вполне возможно, однако, что воины-рабы, упоминаемые Помпеем Трогом, и были рабами, посаженными на землю³. Это тем более вероятно, что, как показали исследования И. М. Дьяконова, уже рабы-земледельцы типа рабов харранского реестра⁴ входили, повидимому, в состав ассирийского войска, образуя в нем вспомогательные контингенты.

Положение общинников

В 1909 г. в Иранском Курдистане, к северу от горного пути, ведущего в древности из Ктесифона к Экбатану, около современного городка Авроман, в пещере горы Кух-и Салан был найден герметически запечатанный глиняный кувшин, в котором оказалось несколько документов на пергаменте. Из этих документов уцелели три — два греческих и один парфянский; все три документа вскоре попали в Британский музей и были изданы Э. Миннзом⁵. Парфянский документ, написанный арамейским курсивом, основательно пострадал, и дешифровка его представила значительные трудности⁶.

Все три документа представляют собой контракты о продаже виноградинок. Оба греческих контракта содержат двойной текст (один — на свернутой и запечатанной половине свитка — *scriptura interior* — и второй — на незапечатанной половине — *scriptura exterior*), поэтому для краткости они будут обозначаться Авр. Ia, Ib, IIa, IIb. Первый греческий документ имеет на обороте надпись в пять строк, написанную арамейским письмом, но буквы сильно стерты и не поддаются чтению⁷. Первая половина документа (верхний текст) была свернута в рулон, зашита веревочкой и запечатана двумя глиняными печатями⁸. Это делалось во избежание подлогов. Насколько это было благоразумно, можно судить и по данным документам: в нижнем открытом тексте (Авр. I б) *τριζήκοντα* переделано на *τρεῖς ἑξήκοντα* (стр. 10).

Первый контракт датирован месяцем Ἀπellaτος 225 г., второй — 291 г. В науке существуют разные мнения относительно того, датированы ли они селевкидской или аршакидской эрой. Миннз считает их датированными селевкидской эрой и соответственно этому относит первый документ к ноябрю 88 г. до н. э., а второй — к 22/21 г. до н. э. Ростовцев усматривает в них аршакидскую эру, по крайней мере для первого документа

¹ Iust., XLI, 2: exercitum non ut aliae gentes liberorum, sed maiorem partem servitiorum habent..., «войско они имеют не как остальные народы из свободных, но по большей части из рабов...».

² См., например, Я. А. М а н а н д я н, Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении, Тифлис, 1932, стр. 3—19; М. Е. М а с с о н, Некоторые новые данные по истории Парфии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 42.

³ Др.-арм. *manuk*, множественное число *mankun-kh*, имеет значение «дети, раб, воин»; возможно, это является отголоском тех времен, когда часть войска составляли рабы.

⁴ См. РЗОА, стр. 90 сл.

⁵ E. H. M i n n s, *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*, JHS, XXXV (1915), стр. 22—65.

⁶ A. C o w l e y, *A Pahlavi Document from Avroman*, JRAS, 1919, стр. 147—154; J. M. U n v a l a, стр. 125—144; H. S. N y b e r g, *The Pahlavi Documents from Avroman*, MO, (1920), стр. 182—230; E. H e r z f e l d, *Paikuli, I, B.* (1924), стр. 83.

⁷ Попытка дешифровки этих строк была сделана Нюбергом (ук. соч., 209—211), где он читает: «Bahrak и Šāhbēn продают виноградник Dātbakān».

⁸ Миннз на одной из печатей различил знак, напоминающий €.

(24 г. до н. э.)¹. Авр. Ia — б содержит, помимо титулатуры царя, также имена цариц, среди которых названа дочь армянского царя Тиграна II (τῆς ἐγ βασιλέως μεγάλου Τιγράνου). Ростовцев обосновывает свою датировку следующими соображениями: титулатура царя, приводимая в авроманском пергаменте, появляется на монетах, как правило, начиная с Орода II (55—38 гг. до н. э.) и к Митридату II (123—87 гг.) не может быть отнесена, а принадлежит Фраату IV; армянская царица была его женой, выйдя вторично замуж за своего деверя после смерти своего первого мужа Пакора, брата Фраата IV. Однако аргументация Ростовцева мало убедительна. Монеты большинства парфянских царей содержат несколько типов титулатуры каждого царя. У Митридата II и Митридата III (58—55 гг. до н. э.), например, встречается четыре различных титулатуры, а у Орода I (80—76 гг.) их пять². Таким образом, титулатура парфянских царей не была чем-то строго определенным для данного царя (как, например, у других эллинистических царей — Птолемеев, Селевкидов). Это объясняется тем, что хотя тип титулатуры парфянских царей и был заимствован у Селевкидов, но сама титулатура не имела значения индивидуального культового имени бога-царя, как у последних. Во второй половине I в. до н. э. титулатура стандартизируется и, начиная с Пакора I, около 20 парфянских царей имеют одну и ту же титулатуру, совпадающую с авроманской, хотя и тут есть исключения — монеты Вонона I имеют два типа титулатуры, Артабана III — три, Готарза — три; у того же Фраата IV имеются две различные титулатуры. Один из типов титулатуры Митридата II на монетах полностью совпадает с титулатурой царя в авроманском пергаменте, за исключением эпитета «Эпифан», который, однако, имеется в двух других группах монет того же царя.

Таким образом, данные нумизматики не исключают возможности датировать авроманские пергаменты селевкидской эрой. Тигран II мог быть назван в парфянском документе «великим царем» только в период, когда между Парфией и Арменией были союзнические отношения, т. е. в 95—86 гг. до н. э., и во всяком случае лишь до своего поражения при Тигранакерте. И, наконец, весьма сомнительно, чтобы «филоромей» Фраат IV, как полагает Ростовцев, женился на своей невестке после того, как ее брат Артавазд II был казнен римлянами как *hostis populi Romani*. И если бы Авр. I был написан при Фраате IV, то римская ставленница Муза мать будущего царя Фраатака (Фраата V), была бы названа среди цариц.

Как указывалось выше, оба документа представляют собой контракты о продаже виноградника. В Авр. I братья Барак (Βαράκης) и Собен (Σοβήνης), общинники, продают некоему Гатаку половину виноградника, находящегося в деревне Копанис и называемого Δαδβα-χαράς³ или Γαζάκη (Авр. Ib), за 30 драхм. В контракте оговаривается, что этот виноградник является τὸ ἴδιον μέρος «личным участком». Авр. Ia, дает развернутое объяснение этого термина: τὸ ἐπιβύλλον αὐτῷ μέρος παρὰ τῶν συνκλήρων (стк. 12) «выпавшая ему доля от владельцев смежных наделов (т. е. однообщинников)», участок, доставшийся ему во владение от общины, вместе с водой, плодовыми и неплодоносящими деревьями, входом и выходом и со всем, граничащим с виноградником. Гатак и его по-

¹ M. I. Rostovtzeff, C. B. Welles, A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates, YCS, II (1931), стр. 41.

² W. Wroth, Catalogue of the Coins of Parthia, I., 1903, стр. 275—280; E. T. Newell, The Coinage of the Parthians, SPA, I (1938), стр. 475—492.

³ Авр. Ia: букв. виноградник Далбакан: ρας = иран. raz «виноградник».

томки будут владеть¹ половиной этого участка; другая половина его остается за братьями. Авр. IIa — б, имеет почти аналогичное содержание, только продается целый участок.

Рассмотрим наиболее важные места контрактов.

Ia, стк. 17—18: *τελῶντες κατ' ἐνιαυτὸν κοινῇ τὰ γεγραμμένα ἐν τῇ παλαιᾷ συνγραφῇ πάντα ἀπὸ πλήρους* «ежегодно совместно выплачивая сполна в качестве подати все, записанное в *παλαιᾷ συνγραφῇ*». Речь идет, очевидно, о ежегодной поземельной подати, на что указывает самый характер ее уплаты, *κοινῇ*. Как указывалось выше, в результате продажи половины участка общинной земли, владельцем которого был Барак, этот участок получил двух владельцев в лице старого владельца Барака и покупателя Гатака, приобретшего вторую половину этого виноградника. Тем не менее подать вносится *κοινῇ* «сообща», т. е. единицей обложения продолжает оставаться прежний участок в своем первоначальном размере, надо полагать, вплоть до новой перерегистрации общинной земли.

Необходимо выяснить, что представляет собой *ἡ παλαιᾷ συνγραφῇ*. Оссулье, а вслед за ним и Миниз (ук. соч., 52) предполагают, что это царская дарственная «ветеранам или государственным чиновникам». Этот термин встречается во всех четырех текстах контрактов, причем в Ia, стк. 18, и IIб, стк. 9 в форме *παλαιᾷ συνγραφῇ*, а в Ib, стк. 18 и IIa, стк. 9 просто *сυνγραφῇ* без прилагательного-определения. Во всех случаях этот термин обозначает какой-то документ, в котором зафиксированы: а) размеры подати, как, например, в вышеприведенном отрывке, б) границы участков членов общины (Авр. IIa, стк. 9—10: *ὅρια καὶ γειτνία ἀπὸ τῶν ἀνατολῶν μετὰ τῶν συνκλήρων καθὼς ἐν τῇ συνγραφῇ* «границы и соседства с востока с владельцами смежных наделов как в *сυνγραφῇ*»).

Таким образом, *ἡ παλαιᾷ συνγραφῇ* есть, повидимому, в данном случае не что иное, как специальный реестр общинной земли. Общинники платят казне ежегодную подать, размеры которой зафиксированы, в соответствии с размерами участка, находящегося во владении общинника, в специальном реестре.

В контракте I указывается, что если новый владелец запустит виноградник² и перестанет его обрабатывать, то он будет принужден к уплате штрафа (*τὸ ἐπίτεμον*). В Авр. II, говорится, что если будет нарушена выплата ежегодной поземельной подати новым владельцем или его наследниками, или под каким-либо предлогом будет причинен ущерб винограднику, то *τὴν τε ἀθέτησιν εἶναι αὐτὴν ἀκύρην καὶ τὸν ἀθετήσαντα ἔκτείσσειν ἄνευ δίκης καὶ κρίσεως δραχμὰς διακοσίας καὶ εἰς τὸ βασιλικὸν τὰς ἴσας* «само нарушение (или ущерб) следует рассматривать как незаконное, и с нарушителя должен быть взыскан штраф без суда и следствия — две-сти драхм³ и столько же в царскую (казну)».

¹ Γαθάκης ἔξει τὴν ἀργυρόνητον ἄμπελον. Миниз переводит глагол ἔχειν как «держать» (to hold), имея в виду феодальное держание. Этот глагол имеет, как известно, значение «иметь, владеть», и именно в этом последнем смысле употреблен в данном тексте.

² В тексте сказано: ἐὰν ἀλιωρήσῃ τὴν ἄμπελον «если пренебрежет виноградником». Глагол ἀλιωρέω требует родительного надежа (Gen. imp.). Авроманский пергамент (Ia, стк. 25; Ib, стк. 26) представляет единственный случай употребления этого глагола с Acc. Такая ошибка естественна для иранца. В результате редукции флексий, происходившей в западно-иранских языках уже в это время, отчетливо различались лишь два надежа — прямой и косвенный. Возможно, что писец-иранец допустил ошибку в употреблении падежных форм имени в греческом тексте под влиянием родного языка, в котором был лишь один косвенный флективный падеж. Тщательность почерка (не курсив) и синтаксические ошибки (см. Minns, ук. соч., стр. 52) также возможно приписать тому, что документы были составлены не греками.

³ Быть может, в пользу общины?

Заслуживает внимания и сама денежная сумма штрафа. В Авр. I это покупная цена виноградника в двойном размере плюс двести драхм и столько же царю (60 др. + 200 др. + 200 др. = 460 др.), а в Авр. II — штраф равен 400 драхмам. Такой непомерный штраф, разумеется, общинник мог уплатить лишь ценой своего закабаления. Обработка земли общинником носила, таким образом, принудительный характер¹. Государство вело строгий учет всех налоговых поступлений в казну, и обработка каждого участка общинной земли рассматривалась как обязанность владельца. Община же являлась низовой фискальной единицей, которая регулирует и гарантирует выплату налога. Община разрешает вопросы пользования сервитутами и особенно, — вопросы распределения воды для орошения. Авр. Ia — б содержит детальные указания о порядке пользования водой для орошения². Новый владелец виноградника может брать воду только по определенной норме (τὸ ἐπιβέλλον αὐτῷ μέτρος), сообщая с другими общинниками (μετὰ τῶν συνκλήρων).

Миннз, касаясь применения двойного текста в авроманских пергаментах, приводит примеры древнейшего применения двойных текстов на Востоке, в частности, в Вавилонии, Иудее и ранее — в Птолемеевском Египте. На примере египетских папирусов он показывает, как с течением времени верхний закрытый текст контрактов все более лишается конкретности изложения, делается абстрактным, формальным и к I в. до н. э. совершенно исчезает. Этот процесс является следствием того, что развитая система регистрации сделок, особенно связанных с недвижимостью, приводит к тому, что верхний закрытый текст становится излишним. Исходя из этого, Миннз (ук. соч., 47—49) предполагает, что если система государственной регистрации вытеснила двойной текст в Египте и в Вавилонии, то обстоятельство, что он сохранился в Иране, говорит об отсутствии государственной регистрации, тем более в таких отдаленных районах, как Авроман. Однако наличие двойного текста еще не доказывает отсутствия государственной регистрации. Документы из Дура-Европос, где эта регистрация существовала, в большинстве своем имеют двойной текст. Это была местная традиция, которая долго держалась и даже не в отдаленных местах³.

Авроманские контракты, вопреки мнению Миннза, вряд ли были написаны в самой деревне Копанис. Трудно представить, чтобы в деревне был человек, хорошо знающий греческий язык, знакомый с юридическими нормами составления подобных документов, с соответствующей греческой терминологией и т. п. Нужно полагать, что они были оформлены специальным чиновником в ближайшем административном центре, быть может, в статмах Байтабартах или Десакдис, названных в документах.

В сирийском «Учении апостола Адда»⁴ имеются интересные указания об эдесском архиве⁵ при Абгаре, которые могут быть распространены и на соседние передне-азиатские царства эллинистического периода. «И, как принято в царстве Абгара царя и во всех царствах, что все,

¹ Ср. с положением γεωργοὶ βασιλικοὶ в Птолемеевском Египте.

² Авр. Ia, стк. 27—28, порядок пользования водой: καὶ τὸ ὕδωρ παρὰ ὁγδόην ἡμέρας τὸ ἥμισυ καὶ τῆς ἐπαχώρας νοκτὸς τὸ ἥμισυ, «и [он будет брать] воду каждый восьмой день, половину днем и половину после наступления ночи».

³ D. Pg., 21, парфянского времени (87 г. н. э.) с двойным текстом. Известны пергаменты из Дура-Европос римского времени, также с двойным текстом (D. Pg., 23, 180 г. н. э.).

⁴ Полулегендарные события в этом сочинении, восходящем в его нынешнем виде к VI в., отнесены к I в. (царствованию Абгара V), но историческое ядро их относится к III в. (царствованию Абгара IX, 179—216 гг.). Существовала и более ранняя версия (IV—V вв.).

⁵ См. также Эдесскую хронику, изд. L. Hallier, Untersuchungen über die Edessenische Chronik, TUGAL IX (1893), стр. 145.

что говорится перед ним, и все, что царь приказывает, записывается и кладется среди памятных записей, так и Лебубна, сын Сеннака, сына Абшадара, писец царя, записал эти [деяния] апостола Аддаи от начала до конца. И, скрепив свидетельским показанием, Ханан, табулярий, шарир царя, положил между памятными записями, которые являются писаниями царя, как кладутся приказы и законы. И (контракты) тех, которые, покупают и продают, там хранятся с заботой и без какого-либо пренебрежения».

Регистрация сделок по продаже недвижимости была обычным явлением в Передней Азии, начиная с ранних этапов так называемого эллинистического периода. Антиох II (253 г. до н. э.) при продаже земли Лаодике регистрирует продажу в царском архиве в Сардах (Welles, RC, №№ 18—20).

Тот же порядок существовал и на территории, которая входила в состав Парфии. Акты купли и продажи недвижимости фиксировались государственными чиновниками в специальных канцеляриях, которые, по материалам Дура-Европос¹, назывались *ὑρχηματιστήριον*.

В Парфии велся строгий учет со стороны государства ежегодных поступлений поземельной подати. Это видно уже по авроманским пергаментам.

В этом отношении особенно интересны новонайденные парфянские острераки из Нисы, дешифрованные и исследованные И. М. и М. М. Дьяконовыми и В. А. Лившицем². Это восемь расписок об уплате поземельной подати, внесенной, повидимому, общиной. То, что они были внесены общиной, а не в индивидуальном порядке, следует, как указывают названные исследователи, из того, что имя плательщика не названо и глагол употреблен в безличной форме. Это говорит о том, что плательщиком является коллектив; указана только податная территория (виноградник), с которой поступил налог, размер его, год, за который он вносится, а также имя счетовода (или виночерпия?), принявшего налог. Виноградники охарактеризованы в текстах определением *ābāzbar* «податной», где *ābāz* связано с термином *baž* «налог», ср. древне-армянское *baž* «подать, парский налог».

В известной характеристике парфянского полководца Сурены у Плутарха (Crass., 21) говорится: «имел же всех всадников, а также пелатов и рабов, не менее десяти тысяч». Термин *πελάταις* у Плутарха обычно принято переводить римским *clientes* «клиент». Этот термин применительно к парфянским условиям достаточно неопределен, тем более, что он имеет еще и другое смысловое значение, которое приводится лексикографом II в. н. э. Поллуksom: «пелатами и фетами назывались свободные, которые из бедности рабствовали за деньги»³. Надо полагать, что Плутарх обозначил термином «пелаты» какой-то иранский институт, близкий к тем, которые обозначались этим же термином в знакомых его читателям условиях, хотя в настоящее время мы можем лишь сказать, что речь идет о лицах, попадавших в какое-то зависимое положение. Но, разумеется, нет оснований считать применение этого термина доказательством существования в Парфии феодальной зависимости и вассалитета, как это принято делать в буржуазной науке.

¹ Известны *ὑρχεφάλακες* в Сузах, см. надпись II в. до н. э. — F. Cumont, *Inscriptions trouvées à Suse en 1937*, CRAI, 1937, стр. 313.

² И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из древней Нисы*, МИОТАКЭ, вып. 2 (1951), стр. 21—65.

³ P o l l., III, 82; *πελάται καὶ θῆτες ἐλευθέρων ἐστὶν ὄνματα διὰ πέναν ἐπ' ἀργυρίῳ οὐλευόντων*.

Авроманские пергаменты дают прекрасный материал о движении земельной собственности внутри общины. Во всех трех пергаментах фигурирует один и тот же земельный участок — виноградник *Dāthakān*. Промежуток между первым и третьим пергаментом около ста лет¹. Авр. I — 88 г. до н. э., Авр. III — 11 г. н. э. За сто лет виноградник три раза продавался, при этом не исключена возможность, что он продавался еще большее количество раз, так как в кувшине с пергаментами были еще и другие документы, которые были взяты крестьянами и пропали. Все это говорит о том, что внутри общины происходил процесс имущественного расслоения, приводивший к тому, что часть общинников оказывалась задавленной долгами. Существует документ, который наглядно показывает следствие этого процесса. Этим документом является десятый пергамент (121 г. н. э.) из Дура-Европос (M. I. Rost., C. B. Well., YCS, II, 4—7), представляющий кабальный договор. По этому договору аркапат (начальник крепости) Фраат ссудил Барлаасу, крестьянину из деревни Палига, 400 серебряных драхм под залог всего наличного у Барлааса имущества (*ἐπὶ ὑποθήκῃ τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτῷ*). Взамен процентов с этого серебра, «Барлаас, оставаясь у Фраата вплоть до времени возвращения ссуженной ему суммы, будет совершать у него [Фраата] рабскую службу» (*παρέξει αὐτῷ δουλικὰς ὑπηρεσίας*), делая все, что ему будет приказано (*ποιῶν τὰ προστασσόμενα αὐτῷ πάντα*), не отлучаясь ни днем, ни ночью без разрешения Фраата. Если же он отлучится днем или ночью вопреки Фраату, то уплатит штраф за каждый день одну драхму. И в случае если он (Барлаас) проболит более семи дней, то он уплатит в качестве штрафа одну драхму за каждый день бездействия. Если же он сбежит в какой-либо храм, то должен быть изгнан из храма, и Фраат будет пользоваться им. Содержание этого документа удивительно перекликается с характеристикой термина *πελάτης* у Поллукса. Можно предположить, что *πελάτης* в Парфии не что иное, как общинники-крестьяне, попавшие в кабалу к крупным рабовладельцам.

Выводы

Вышеприведенный материал дает возможность сделать некоторые выводы относительно положения производителей материальных благ в Иране так называемого эллинистического периода. Речь, конечно, не может идти о всех областях Ирана, ибо для него, как и для других восточных стран в это время, был характерен неравномерный уровень экономического развития различных районов страны. Наличие в парфянском Иране районов с примитивным хозяйством, безусловно, фактор немаловажный, сыгравший большую роль в истории Парфии в период кризиса рабовладельческой системы. Тем не менее, определяющими общественно-экономический строй парфянского государства в целом были экономически наиболее важные области с высоко развитым рабовладельческим хозяйством (Месопотамия, Сузана, Мидия, Фарс и др.), через которые проходили в ряде случаев и важнейшие торговые пути между Востоком и Западом.

Основными производителями материальных благ были крестьяне-общинники и рабы. Документальные источники свидетельствуют о ряде изменений в положении как рабов, так и крестьян-общинников в Иране и в соседних странах рассматриваемого периода. Появление новой формы эксплуатации рабов (рабы-поселенцы типа аншахриков²), без сомнения,

¹ О датировке Авр. III, см. МЮТАКЭ, II, стр. 57—58.

² Термин *anšahrīk* представляет парфянизм в среднеперсидском.

наряду с сохранением старых, говорит о том, что классические формы рабовладения переживали кризис.

Повышение производительности труда рабов достигалось путем перевода раба на положение, при котором он становился заинтересованным в результатах труда. Рабы сажались на землю, как на государственную, так и на частную, но в индивидуальном порядке, не составляя общин: в каком бы количестве они ни сажались на землю, они пока еще не переставали быть рабами, хотя их эксплуатация начинала приближаться по характеру к феодальной. Они попрежнему были лишены основных средств производства и, главное, земли и собственного частного хозяйства. Следующей ступенью является предоставление рабу частичной свободы. Фактически рабу предоставляется возможность частичной апроприации самого себя. Раб получает право распоряжения определенной долей своего труда — одной десятой, одной четвертой (в «Матикане» засвидетельствованы только эти две формы частичного освобождения, которые, повидимому, являются каноническими).

Анализ авроманских пергаментов дает возможность сделать некоторые выводы о положении как общинника, так и общины в парфянском Иране. Известно, что общинник является владельцем своей *йда* только через принадлежность к общине. «Каждый отдельный человек выступает только как звено (коллектива), как член, этого коллектива — он *собственник* или *владелец*»¹. По авроманским пергаментам можно видеть, что эта естественно сложившаяся связь каждого члена общины со всем коллективом в так называемый эллинистический период² изменила свой характер и стала принудительным прикреплением. Это связано с изменением самой роли общины в государстве, с превращением ее в низовой фискально-контрольный орган по преимуществу. Общинник рабовладельческого периода был формально свободным человеком, иной раз даже рабовладельцем, и мог покинуть свой участок, но поскольку государство строго контролировало и фиксировало поступление поземельного налога с территории, занимаемой общиной, а также исполнение различных государственных повинностей общиной, как низовой фискальной единицей, то общинник был обязан перед общиной вносить свою долю за свой участок. Это фактически лишало его свободы передвижения, ибо, в случае запущения своего участка, он был принуждаем к уплате непомерного штрафа, который он мог уплатить разве лишь ценой своего полного закабаления. Обработка общинником своего земельного участка рассматривалась как его государственная повинность.

Изложенные явления были результатом кризиса рабовладельческого строя и облегчали зарождение в недрах рабовладельческой формации феодальных отношений. Но, с другой стороны, они носили еще печать рабовладельческих отношений. Их юридическое оформление имеет рабовладельческий характер; продолжает еще существовать рабовладельческая надстройка, служащая к укреплению и задержке гибели своего базиса и тормозящая развитие настоящих феодальных социально-экономических отношений. Раб-аншахрик, даже частично апроприировавший себя, — все еще ближе стоит к рабу, чем к крепостному; с последним его сближает, в сущности, лишь возможность распоряжения некоторой частью своего труда. С другой стороны, прикрепление общинника к своей *йде* также пока не является феодальным прикреплением. Ф. Эн

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 6.

² В наиболее развитых странах древнего Востока — несколько раньше, но нигде не раньше второй четверти I тысячелетия до н. э.

гельс в письме к К. Марксу от 22/XII 1882 г. писал: «несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой...»¹. Особенно важно в этой связи отметить, что это прикрепление общинника является результатом внеэкономического принуждения свободного крестьянина-общинника со стороны именно рабовладельческого государства, а не феодала. Характерно, что если в последующую, феодалную эпоху община ограничивала эксплуатацию крестьянина-общинника, то в поздне-рабовладельческий период община представляется в качестве самого проводника эксплуатации общинника со стороны государства. Поселение на земле рабов и прикрепление общинников в этот период представляли собой два встречных процесса, которые вели к экономическому, а в дальнейшем и юридическому сближению этих совершенно различных по происхождению категорий.

В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать в самых общих чертах рабовладельческий способ производства в Иране в период его кризиса. Разумеется, предложенные выводы являются предварительными. Необходимо дальнейшее исследование всех сторон этой проблемы.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 605.